

DOI 10.25991/VRHGA.2022.4.2.006

УДК 93/94

В. Э. Багдасарян, С. И. Реснянский*

ГЕНЕЗИС СОВЕТСКОЙ СИСТЕМЫ: РЕВОЛЮЦИЯ КАК МЕХАНИЗМ ЦИВИЛИЗАЦИОННОГО ВОСПРОИЗВОДСТВА**

Актуальность представляемого исследования определяется методологической постановкой вопроса о России как государстве-цивилизации. Принципиальное значение в раскрытии российской цивилизационной системы принадлежит анализу с позиции преемства и разрывов отечественной истории феномена советского периода. Авторами, на основании анализа дискурсивных доминант, представлено пять версий цивилизационного позиционирования советской системы. Ключевым методологическим подходом в исследовании является разграничение на материале истории констант и переменных. Обнаружение констант российской цивилизационной матрицы на этапе советского проекта практически, по оценке авторов, означает факт воспроизведения российской цивилизации в двадцатом столетии.

Эмпирическому анализу в статье подвергается период Революции и Гражданской войны в России. Несмотря на противоречивость позиций революционных сил, в том числе сторонников большевизма, авторы показывают, что объективно большевики дрейфовали в сторону цивилизационной российской государственности. Фактически в коллизиях внутренних и особенно внешних конфликтов они встали на национальную позицию и взяли на себя миссию цивилизационного имперостроительства.

Ключевые слова: цивилизация; цивилизационногенез; Революция; Гражданская война; общинность; Красная Армия; русский коммунизм; февразизм; большевизм.

---

* Багдасарян Вардан Эрнестович, доктор исторических наук, профессор, декан факультета истории, политологии и права, ГОУ ВО МО Московский государственный областной университет; vardanb@mail.ru.

Реснянский Сергей Иванович, доктор исторических наук, профессор, ГОУ ВО МО Московский государственный областной университет, ФГАОУ ВО Российский университет Дружбы Народов; s-r44@yandex.ru

** Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-011-43080 «Советский Союз как цивилизация: от расцвета до заката».

The relevance of the presented research is determined by the methodological formulation of the question of Russia as a state-civilization. Of fundamental importance in the disclosure of the Russian civilizational system belongs to the analysis from the standpoint of the continuity and ruptures of the national history of the phenomenon of the Soviet period. The authors, based on the analysis of discourse dominants, presented five versions of the civilizational positioning of the Soviet system. The key methodological approach in the study is the distinction based on the history of constants and variables. The discovery of the constants of the Russian civilization matrix at the stage of the Soviet project practically, according to the authors, means the fact of the reproduction of Russian civilization in the twentieth century.

The article analyzes the period of the Revolution and the Civil War in Russia. Despite the contradictory positions of the revolutionary forces, including the supporters of Bolshevism, the authors show that objectively the Bolsheviks drifted towards the civilizational Russian statehood. In fact, in the collisions of internal and especially external conflicts, they took up a national position and took on the mission of civilizational empire-building.

Keywords: civilization; civilizational genesis; The revolution; The Civil War; community; Red Army; Russian communism; februaryism; Bolshevism.

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

В современном обществоведческом дискурсе доминирует представление, что революция в России привела к уничтожению основанной на традиционных ценностях православной цивилизации. Очевидно, что советская модель имела системные отличия в жизнеустройстве от модели дореволюционной России [9; 16, с. 119]. Но сколь значительны эти отличия, чтобы утверждать факт разрыва советского проекта с российской цивилизационной системой?

Возможны пять версий ответа: 1) после революции российская православная цивилизация перестала существовать, и новая цивилизация — советская не была ей преемственна; 2) советская цивилизация хотя и представляла собой новый цивилизационный тип, была генезисно связана с российской православной цивилизацией, являлась ее историческим восприемником; 3) произошел временный цивилизационный разрыв, и восстановление российской цивилизации происходит уже только после демонтажа советской системы; 4) российская цивилизация продолжила свое существование и в советский период, являвшийся ее модификацией для эпохи модерна; 5) советский проект восстанавливал российскую цивилизационную систему, отступление от которой происходит в петербургский период истории России. В представляемой статье проводится исторический анализ первых лет советской власти в фокусе соотнесения выстраиваемой модели с константами российской цивилизации.

ХРИСТИАНСТВО И БОЛЬШЕВИЗМ

Действительно, советское государство отказывалось от прежней православной религиозной основы самоидентификации России. И более того, инициировались антирелигиозная пропаганда, организовывались гонения на Церковь. Заявляемая официально новая система мировоззрения базировалась на атеизме и материалистическом учении. Однако христианские ценности и этические координаты сохранялись и под вывеской советского проекта. Сказывалась, вероятно, инерция многовековой православной исторической традиции, оказавшейся встроенной в онтологию российского человека. Да и в самом советском проекте были выдвинуты подходы и найдены формы организации общественного бытия, которые было бы возможно определить как христианские по духу.

Насаждение атеизма, как показало время, являлось стратегической ошибкой большевиков, приведшей к выхолащиванию потенциалов советского проекта. Но это была именно ошибка, а не запрограммированная ценностно установка. Сам В. И. Ленин еще до революции предупреждал о такой ошибке. Им подчеркивалось, что врагом социал-демократии является вовсе не религия, а капитализм. Религиозные же организации и священнослужители могут являться как противниками, так и союзниками в зависимости от их отношения к капитализму. И в принципе оснований для союза было больше [10, с. 142–147].

Христианство в своих ценностных установках, за исключением модернизированной кальвинистской версии, диссонировало с аксиологией капитализма. Другое дело, что в реалиях капиталистического развития религиозные христианские организации пошли в той или иной степени на альянс с капиталом. Безусловно, большевики были виновны в гонениях на Церковь. Но и Церковь имела известную долю вины в том, что отступила от собственных же принципов, пошла на дискредитирующие ее альянсы и компромиссы.

Соединение советской социальной системы с религиозной традицией, модернизма с традиционализмом было принципиально достижимо. Период 1940-х — начала 1950-х годов дает основание утверждать, что такой альянс имел ненулевые потенциалы. Однако в руководстве партии победило левое крыло, реанимировавшее кампании воинствующего атеизма.

РУССКИЙ КОММУНИЗМ

Методологически значимый подход был выдвинут в осмыслении революции в России Н. А. Бердяевым. Концепт русского коммунизма он положил в основу одноименной книги, предназначенной первоначально для западного читателя [2]. До Бердяева коммунизм рассматривался как явление универсальное, вне его привязки к какому-либо историко-культурному контексту. Заявленный новый подход выводил коммунистические ценности и идеи в России не от Маркса, а из первооснов российского цивилизационногенеза. Русская общинность, русская соборность, русская артельность встраивались в парадигму русского коммунизма [4, с. 19, 26; 12, с. 118]. Марксизм оказался

привнесен на соответствующую цивилизационную почву, ознаменовав новый этап в истории коммунизма в России.

Ряд положений идейного багажа русского коммунизма указывало на его аксиологическую близость русскому православию. Выделим наиболее значимые из этих компонентов:

— устремленный в будущее общественный идеал, определяющий идеократический тип государственности;

— представление о грядущем преображении человека на принципах духовно-нравственного бытия;

— отрицание целесообразности и нравственной преимущества конкурентной борьбы, которой противопоставлялся принцип солидаризации;

— отторжение спекулятивно-ростовщической модели экономики;

— негативный взгляд на богатство и собственность, как проявления несправедности жизни, этика нестяжательства;

— интернационалистское единство человечества, неприятие восходящего к племенному язычеству национализма;

— постановка сверхзадачи спасения всего человечества от разложения духовных основ жизни;

— социальное воплощение библейского императива «кто не работает, тот не ест»;

— установки воспитания молодежи в духе взаимопомощи и альтруизма;

— ценность коллективизма, восприятие социального неравенства как несправедливости;

— ожидание грядущей и неизбежной эсхатологической победы сил добра.

БОЛЬШЕВИЗМ КАК АНТИФЕВРАЛИЗМ

В массовом современном сознании утвердилось представление о большевиках, как низвергателях русской монархии. Между тем, царя свергла либеральная кадетско-октябристская буржуазная революция. Большевики, как известно, не играли в ней сколько бы то ни было значимой роли. Именно Временное правительство инициировало деятельность Чрезвычайной следственной комиссии, подготавливавшей судебный процесс с целью доказать государственную измену Николая II. Репрессии в отношении лидеров черносотенного движения развернулись еще в дооктябрьский период. Убийство полицейского или монархиста почиталось в качестве особой доблести среди представителей революционных радикалов после Февраля. Указывается цифра в четыре тысячи убитых после Февральской революции работников Охранного отделения. Были взяты под арест такие видные фигуры право-монархического лагеря, как: А. И. Дубровин, Н. А. Маклаков, Н. Н. Тиханович-Савицкий, И. Г. Щегловитов, Н. М. Юскевич-Красовский и др.

Одной из главных загадок событий 1917 года является проявленная в нем пассивность многочисленных сторонников самодержавного правления. Между тем, еще во время первой русской революции монархисты активно поднялись на защиту самодержавия. Можно предположить, что народный русский мо-

нархизм трансформировался в сознании значительных масс в большевизм. Большевицкая революция была воспринята в качестве высшего возмездия узурпаторам-временщикам, в роли которых предстали февраллисты и Временное правительство. Само слово «временное» имело в народном восприятии негативную коннотацию, как противоположное самодержавному принципу константности. Нерешительность Временного правительства укрепляла народное мнение в восприятии о неподлинности режима «временщиков». Большевики, напротив, отказавшись от представительности и коалиционности, сразу же обнаружили соответствие «царскому ритуалу».

Неприятие в восприятии Государственной Думы уходило в генезисе в глубь веков, к неприятию Думы боярской. Реактуализировался архетипический миф о том, что крамольники-бояре низложили царя. Они же выстроили отношения с несправедливой заграницей. Все это воспроизводило в национальной рефлексии образ «семибоярщины». Слух о переезде А. Ф. Керенского в императорский дворец укрепляли народ во мнении о факте узурпации. Распространялись слухи, якобы он даже тайно примерял на себя царскую корону и садился на царский трон. И если Временное правительство было «семибоярщиной», то большевицкой революции должен был соответствовать образ низвергнутого его народного ополчения.

Еще тот же Н. А. Бердяев отмечал, что ленинизм представлял собой синтез марксизма с традицией народничества. Несмотря на резкую критику В. И. Лениным народников, в реалиях строительства социализма большевики многое взяли из народнических подходов, более адаптивных к российской специфике. Вместо исходного плана национализации земли ими после взятия власти был, как известно, взят на вооружение эсеровский план социализации, а далее — коллективизации, как восстановления под новыми вывесками общинного землепользования вместо провалившейся столыпинской ставки на грядущего фермера. Революционное изобретение — Советы — представляло национальное видение должной политической организации вместо европейского парламентаризма [1].

Парадоксальность переноса на большевиков монархической легитимности подтверждается на примере письма, направленного председателю СНК от 26 декабря 1919 года:

Симбирскому дворянину Владимиру Ильичу Ульянову (Ленину). Честь и слава Вам, Владимир Ильич! Как маг и чародей, Вы сумели заставить русский народ забыть и простить Николаю Второму все его прегрешения и властно повернули его вновь на путь Монархизма. Умело и незаметно, не словами, а делом Вы с очевидностью показали всему миру нелепость социалистических теорий и мудро, как сказочный змей, зажгли сердце русского народа непримиримой ненавистью к подлому и продажному племени иудеев. Да, пусть многое погубило! Но всякий, кто только может хоть немного смотреть в будущее, скажет, что это к лучшему. Сейчас разрешение проблемы социализма и вопроса о собственности, равным образом дело монархизма поставлено на верный путь и обеспечено на долгие годы. И это исключительно благодаря симбирскому дворянину Ульянову. Честь и хвала Вам, Владимир Ильич! Убежденный монархист Павлов. 26 декабря 1919 года [11, с. 135–136].

«ПРОСАЧИВАНИЕ ЧЕРНОСОТЕНСТВА»

С самых первых дней победы Октябрьской революции происходят расхождения между теорией построения нового типа государства по опыту Парижской коммуны и практикой реального государствовоительства. В нем шаг за шагом утверждались институции, совпадающие в моделях со старорежимными учреждениями.

Сразу после взятия большевиками власти, некоторые из оппонентов заговорили, что октябрьский переворот имел термидорианскую природу и даже крен в сторону право-реакционной подоплеки. Уже в конце ноября 1917 года один из основателей РСДРП, меньшевик А. Н. Потресов, предостерегал о «просачивании в большевизм черносотенства» [13, с. 141]. В начале декабря в эсеровской газете «Воля народа» выходит статья В. Вьюгова с характерным заголовком «Черносотенцы — большевики и большевики — черносотенцы». В ней автор шел еще дальше, заявляя даже о «просачивании» черносотенства в большевизм, а о черносотенной сущности самих большевиков. По его оценке, ими восстанавливался «старый», то есть дофевральский строй [6].

Пройдет четыре года, и тезис о большевистском термидоре получит поддержку уже со стороны «сменовеховцев», оценивавших правый поворот в революции со знаком плюс. Их призыв «пойти в Каноссу» являлся следствием переосмысления роли большевиков в качестве новых «собирателей земли Русской». Автор манифеста «В Каноссу» С. С. Чахотин пояснял новый подход к большевизму следующим образом: «история заставила русскую “коммунистическую” республику, вопреки ее официальной догме, взять на себя национальное дело собирания распавшейся было России, а вместе с тем восстановления и увеличения русского международного удельного веса. Странно и неожиданно было наблюдать, как в моменты подхода большевиков к Варшаве во всех углах Европы с опаской, но и с известным уважением заговорили не о “большевиках”, а... о России, о новом ее появлении на мировой арене» [15, с. 74]. В 1958 году Чахотин, являвшийся не только публицистом, но и известным биологом, вернется на Родину, где далее работал в Институте цитологии и Институте биологии развития АН СССР.

Среди евразийцев, как известно, существовали разные позиции в отношении советской власти. Примиренческое крыло в осмыслении большевизма шло даже дальше сменовеховцев, видя в нем даже не термидор, а отрицание петербургского периода российской истории, возвращение к почвенным основам допетровской России. Высказывалось получившее в дальнейшем широкое распространение в западной политической мысли мнение об азиатском историческом повороте большевиков.

Нуждается в ревизии позиция, что после Октябрьской революции все видные идеологи монархического движения оказались в лагере непримиримых противников власти Советов. Сотрудничал, к примеру, с большевиками Л. А. Тихомиров, замышлявший большой проект написания биографий русских революционеров.

В 1919 году по постановлению Петроградского ЧК будет расстрелян видный деятель монархического движения Б. В. Никольский. Но сам Борис Вла-

димирович относился к большевикам гораздо лучше, нежели к февралистам, усматривая их латентную приверженность монархической идее.

В активной политике, — давал характеристику в октябре 1918 года один из лидеров Союза Русского народа, — они с нескудеющей энергиею занимаются самоубийственным для них разрушением России, одновременно с тем выполняя всю закладку объединительной политики по нашей, русской патриотической программе, созидая вопреки своей воле и мысли, новый фундамент для того, что сами разрушают... Разрушение исторически неизбежно, необходимо: не оживет, еще не умрет... Ни лицемерия, ни коварства в этом смысле в них нет: они поистине орудия исторической неизбежности... лучшие в их среде сами это чувствуют, как кошмар, как мурашки по спине, боясь в этом сознаться себе самим; с другой стороны, в этом их Немезида; несите тяготы власти, захватив власть! Знайте шапку Мономаха!..

Никольский полагал, что враги у монархистов и большевиков одни и те же — «эсеры, кадеты и до октябристов включительно». Им понималась невозможность быстрого восстановления при большевиках подлинного монархизма. Но он предсказывал их сдвиг в направлении красного цезаризма [3; 4, с. 140–156].

Безусловно, большевизм был внутренне неоднородным. Наряду с квазиимперским, в нем параллельно существовало и космополитическое крыло. М. С. Агурский в книге «Идеология национал-большевизма» прекрасно показал это внутреннее размежевание. Причем, раскол между сторонниками построения социализма на русской цивилизационной платформе и условными универсалистами (в современной терминологии — глобализаторами) имел место во все периоды истории партии. Перевес по принципу маятника исторически склонялся то в одну, то в другую сторону. Но обе стороны имели свои проявления на каждом этапе истории советской государственности. На первом, раннем этапе космополитический вектор был более силен. Однако и имперская цивилизационно-ориентированная сторона находила свое выражение. Борьба с иностранной военной интервенцией (иноцивилизационными силами) и опирающейся на поддержку Антанты белой армией объективно усиливала ее позиции [1].

КРАСНАЯ АРМИЯ В БОЯХ ЗА РОССИЮ

Индикатором цивилизационной переориентации большевиков явилась советско-польская война. Они воевали с польской армией не как с классовыми противниками, а как с историческими национальными врагами России. Напротив, белые оказывались в одном лагере с сепаратистами. Не НЭП, а именно война с Польшей породила, по всей видимости, прежде всего, зарождение симпатий к ним справа. «Их армия была поляков, как поляков. И именно за то, что они отхватили чисто русские области», — рассуждал о трансформации большевизма монархист В. В. Шульгин [17, с. 517].

В советской пропаганде периода борьбы с иностранной интервенцией была поднята тема советского патриотизма. Выдвигались призывы защиты

социалистического Отечества. В одной из прокламаций по РККА Л. Д. Троцкий заявлял об угрозе превращения России в английскую колонию. «Большевизм национальнее монархической и иной эмиграции. Буденный национальнее Врангеля», — провозглашалось им на страницах «Правды». И с такими заявлениями выступал Троцкий, традиционно рассматривавшийся в качестве лидера левого космополитического течения в большевизме [14, с. 82].

То, что имперскую роль во время Гражданской войны в России взяли именно большевики, признавал даже великий князь Александр Михайлович Романов.

Положение вождей Белого движения, — констатировалось им, — стало невозможным. С одной стороны, делая вид, что они не замечают интриг союзников, они призывали... к священной борьбе против Советов, с другой стороны — на страже русских национальных интересов стоял не кто иной, как интернационалист Ленин, который в своих постоянных выступлениях не щадил сил, чтобы протестовать против раздела бывшей Российской империи... [5, с. 257].

На сторону большевиков во время Гражданской войны перешла значительная часть офицерского корпуса, руководствуясь при этом в большей степени патриотическими, нежели классовыми соображениями. Среди видных военачальников Первой мировой войны на службу в Красную Армию поступил легендарный генерал, верховный главнокомандующий А. А. Брусилов. По оценке того же В. В. Шульгина, «одних офицеров Генерального штаба чуть ли не половина осталась у большевиков. А сколько там было рядового офицерства, никто не знает, но много» [17].

Сообразно с расчетами Г. А. Кавтарадзе, в РККА перешло около 30% российского офицерства, 33% офицерского состава Генерального штаба. Если учесть, что примерно 30% офицеров оказалось после Революции вне службы какой-либо из сторон, то численность бывшего царского офицерства в белой и красной армиях окажется примерно сопоставима. Имелись прецеденты перехода офицеров из белой армии к красным. Мотивом перехода являлось разочарование в белом движении, обнаружение отсутствия в нем и патриотизма, и монархизма. За время Гражданской войны перешло от белых к красным 14390 офицеров, то есть каждый седьмой, что являлось значительной цифрой [8]. Сюжет такого перехода в «Хождении по мукам» А. Н. Толстого отражал реальные тенденции военного времени.

Особой ценностью в иллюстрации цивилизационных ориентиров большевиков являются свидетельства со стороны их противников. Так, В. В. Шульгин в осмыслении произошедшего приходил к выводу, что большевики в сущности их политики совершают следующее:

- «1) восстанавливают военное могущество России;
- 2) восстанавливают границы российской державы до ее естественных пределов;
- 3) подготавливают пришествие самодержца всероссийского».

И действительно, территориальную целостность России защищали по факту в условиях Гражданской войны и иностранной военной интервенции именно большевики.

Интервенция была, согласно оценке ряда исследователей, более важной составляющей борьбы, нежели антибольшевистские выступления белых. Так смотрел на этот конфликт и В. И. Ленин, полагая, что белые правительства играли лишь марионеточную роль по отношению к империалистическим державам [7].

Образ Советской России, как осажденной крепости выражал традиционное цивилизационное противостояние с иноцивилизационным миром. Нерв этого противостояния российской осажденной крепости отражали агитационные стихи на злобу дня Демьяна Бедного:

Еще не все сломали мы преграды,
Еще гадать нам рано о конце.
Со всех сторон теснят нас злые гады.
Товарищи, мы в огненном кольце!

Александр Блок в «Скифах» интерпретировал этот конфликт в качестве фундаментального цивилизационного конфликта.

Стремление к расчленению территории России в политических кругах Антанты не скрывалось. Планы по расчленению принимаются еще в конце 1917 года. На Парижской конференции Антанты были установлены зоны влияния держав-победительниц на территории бывшей Российской империи. Агрессия коллективного Запада против Советской России велась по трем стратегическим направлениям: 1) оказание поддержки различными способами армиям белых и иных антибольшевистских сил внутри России; 2) организация содействия этническому сепаратизму в периферийных регионах; 3) инициирование собственно военной интервенции силами государств Антанты. Принято считать, что в антисоветском походе принимало непосредственное участие 14 иностранных государств (Великобритания (включая Австралию, Индию и Канаду), Франция, США, Япония, Германия, Австро-Венгрия, Италия, Турция, Польша, Румыния, Греция, Финляндия, Китай, Сербия). Данная военная коалиция была наиболее широким объединением за всю историю войн, ведомых против России. Контингент интервенционных сил насчитывал совокупно к февралю 1919 года 202,4 тысяч человек. В числе интервентов: японцы — 80 тысяч, англичане — 44,6 тысячи, чехи и словаки — 42 тысячи, французы — 13,6 тысячи, американцы 13,7 тысячи, итальянцы и греки — по 3 тысячи, сербы — 2,5 тысячи. Совокупно иностранных войск было меньше в сравнении с армией Колчака, но больше, чем в любых других белых армиях [7].

Помимо прямого военного участия, коллективный Запад использовал в борьбе с большевизмом финансовые рычаги. Войска Колчака были фактически целиком вооружены и экипированы на западные, преимущественно британские и американские, деньги. Огромные суммы были получены от стран Антанты и Добровольческой белой армией. «Было бы ошибочно думать, что в течении этого года мы сражались за русских белогвардейцев, — давал разъяснение английской политике в отношении России Уинстон Черчилль. — Напротив, русские белогвардейцы сражались за наше дело». Поддержка белых внешними силами давала основание большевикам репрезентировать себя в качестве защитников российских национальных интересов. Сама логика

войны и государствовоительства объективно задавала переход большевиков на государственнические позиции.

НОВАЯ СБОРКА «ЗЕМЕЛЬ РУССКИХ»

Процесс государственной дезинтеграции России в период Гражданской войны нашел отражение в создании на ее территории на разных этапах не менее 120 претендующих на суверенность государств. Из них в конфронтации с большевиками находилось 59. Никогда в истории не существовало одновременно такого количества государств в рамках российского цивилизационного ареала. В нахождении новой модели интеграционной сборки заключалась евразийская миссия большевиков.

И действительно, им в поразительно короткий срок удалось собрать заново воедино дезинтегрированное пространство. Не случайно уже сменовеховцы говорили о реализуемой большевиками миссии Ивана Калиты — «Собирании земель русских». Они смогли найти новую аксиологическую модель реинтеграции, привлечшую как народы бывшей империи, так и людей за ее пределами.

Применение к советскому периоду истории цивилизационного подхода дает возможность для переосмысления исторической роли большевизма.

Октябрьская революция, вне зависимости от идейных установок представляемых в ней сил, не являлась отрицанием дореволюционного прошлого, как оценивалась она и в рамках формационного подхода — со знаком плюс, и в рамках подхода либеральной теории — со знаком минус. Большевики фактически взяли на себя миссию — в политическом плане — восстановления Империи, в культурном плане — восстановления идентичной российской цивилизационной общности. Созданное в ходе развертки советского проекта новое государство СССР стало исторической модификацией для контекста эпохи модерна российской цивилизационной государственности.

РУССКОЕ МЕССИАНСТВО

Практика строительства социализма в одной стране приводила к смене ориентиров от космополитического мессианства мировой революции к имперскому конструированию. Н. А. Бердяев писал о коммунизме в качестве русской идеи:

На Западе очень плохо понимают, что Третий Интернационал есть не Интернационал, а русская национальная идея. Это есть трансформация русского мессианизма. Западные коммунисты, примыкающие к Третьему Интернационалу, играют уничижительную роль. Они не понимают, что присоединяясь к Третьему Интернационалу, они присоединяются к русскому народу и осуществляют его мессианское призвание... И это мессианское сознание, рабочее и пролетарское, сопровождается почти славянофильским отношением к Западу. Запад почти отождествляется с буржуазией и капитализмом. Национализация русского коммунизма, о которой все свидетельствуют, имеет своим источником тот факт,

что коммунизм осуществляется лишь в одной стране, в России, и коммунистическое царство окружено буржуазными, капиталистическими государствами. Коммунистическая революция в одной стране неизбежно ведет к национализму и националистической международной политике [2].

ЛИТЕРАТУРА

1. Агурский М. С. Идеология национал-большевизма. — Париж: YMCA-PRESS, 1980. — 322 с.
2. Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. — М.: Наука, 1990. — 244 с.
3. Бобович И. М. Русско-финляндские отношения накануне Великой Октябрьской социалистической революции. — Л., 1968. — 191 с.
4. Булдаков В. П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. — М.: РОССПЭН, 1997. — 373 с.
5. Великий князь Александр Михайлович: Книга воспоминаний / Предисл. и коммент. А. Виноградова. — М.: Современник, 1991. — 271 с.
6. Вьюгов В. Черносотенцы — большевики и большевики — черносотенцы // Воля народа. — 1917. — 3 дек.
7. Галин В. В. Интервенция. Их желанием было творить добро... — М.: Алгоритм, 2017. — 416 с.
8. Кавтарадзе А. Г. Военные специалисты на службе Республики Советов. 1917–1920 гг. — И., 1988. — 276 с.
9. Кара-Мурза С. Г. Советская цивилизация. — М.: Родина, 2019. — 1279 с.
10. Ленин В. И. Социализм и религия // Ленин В. И. Полное собрание сочинений: в 55 т. М.: Гос. изд-во полит. лит., 1968. — Т. 12. Октябрь 1905 — апрель 1906.
11. Письма во власть. 1917–1927. Заявления, жалобы, доносы, письма в государственные структуры и большевистским вождям. — М., 1998. — 664 с.
12. Розанов В. В. Собрание сочинений. Апокалипсис нашего времени / Под общ. ред. А. Н. Нелюкина. — М.: Республика, 2000. — 429 с.
13. Сегал Д. «Сумерки свободы»: о некоторых темах русской ежедневной печати 1917–1918 гг. // Минувшее. Исторический альманах. — М., 1991. — № 3.
14. Троцкий Л. Д. Литература и революция. — М., 1991. — 399 с.
15. Чахотин С.С. В Каноссу! // Русская идея. В книгу писателей и мыслителей русского зарубежья. — М., 1994. — Т. 1.
16. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 2. Всемирно-исторические перспективы. — М.: Мысль, 1998. — 611 с.
17. Шульгин В. В. Дни.1920: Записки. — М., 1989. — 557 с.